

УДК 94(44)

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА В РОССИЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКЕ

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2009 г.

Аннотация: в статье рассматривается начальный момент изучения российской университетской наукой XIX в. проблем Французской революции конца XVIII в., связанный с деятельностью профессора Московского университета В. И. Герье. Анализируется подход первого отечественного исследователя в области новой истории к учениям, подготовившим идейную основу самой крупной из революций прошлого, что готовило почву для последующих исследований революционной проблематики российскими университетскими учеными второй половины XIX в.

Ключевые слова: российская либеральная профессура, научная мысль, Просвещение, Французская революция конца XVIII в., историография.

Abstract: the article is concerned with the contribution of Russian liberal scientific thought to the history of French revolution research — the main problem of modern history. The beginning of scientific elaboration of this subject belongs to Moscow University professor V. I. Gerye in the second half of the 19-th century.

Key words: French revolution research, scientific thought, historiography, Russian liberal science.

В 60-х гг. XIX в. академический и цензурный запрет, тяготевший в России над темами о революции, был снят университетским уставом (1863 г.) и законом о печати (1865 г.), что позволило университетской профессуре приступить к изучению революционной проблематики. Владимир Иванович Герье (1837—1919) первым из российских «всеобщих историков» приступил к исследовательской монографической разработке истории нового времени, за что его называли «пионером и вместе с тем основателем русской научной школы в области новой истории» [1, с. 130; 2, с. 137; 3, с. 189]. В советский период развития отечественной историографии новой истории творчество В. И. Герье нашло отражение в трудах Б. Г. Вебера, рассмотревшего в ряде работ складывание российской либеральной традиции в изучении истории нового времени [4, 5]. Однако главное, по мнению автора, — это недооценка российскими исследователями «огромного значения открытия материалистического понимания истории великими творцами научного социализма и неприятие марксизма уже и после того, как началось более или менее широкое проникновение идей марксизма в Россию и распространение на нашей родине отдельных произведений Маркса и Энгельса» [5, с. 225—226].

Цель настоящей статьи — рассмотреть первые шаги российской академической науки в осмыслении идей, подготовивших политический и социальный переворот во Франции в конце XVIII в.

В. И. Герье начал чтение лекций в Московском университете в 1865 г. после защиты магистерской диссертации, а с начала 70-х гг. после защиты докторской диссертации занимал ключевые позиции в развитии русской академической историографии всеобщей и, в частности, новой истории. Он был профессором старейшего и лучшего из тогдашних университетов России, преемником по кафедре Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского.

Основной научной специальностью В. И. Герье избрал французский XVIII век — «эпоху Просвещения», «старого порядка» и революции — и решил ввести революционную тематику в свое университетское преподавание. Выступив инициатором изучения истории Французской революции в российской высшей школе и будучи вместе с тем сторонником широкого и систематического внедрения в систему российского университетского преподавания практических, семинарских методов обучения, профессор не ограничивался лекционными курсами по «революционному периоду», но руководил и самостоятельными занятиями студентов по «старому порядку», Просвещению и революции XVIII в.

Самая ранняя печатная работа В. И. Герье, посвященная Французской революции конца XVIII в. — «Республика или монархия установится во Франции?», была написана в 1873 г., но опубликована лишь в 1877 г. [6]. Почти тридцатью годами позднее, в 1904 г., Герье напечатал ее вновь под измененным заглавием «Историческая роль монархии во Франции» в сборнике своих статей «Идея народовластия и Французская революция 1789 года». К 1884 г. относится актовая речь, произнесенная в Московском университете и тогда же переработанная автором в небольшую монографию «Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г.» [7]. В 1904 г. эта работа также была включена автором в упомянутый выше сборник.

Обладая незаурядным политическим чутьем, В. И. Герье первым из университетских преподавателей учел необходимость покончить с замалчиванием истории Французской революции в интересах российского либерализма. Он понял своевременность, с точки зрения русских либералов, того, чтобы противопоставить широко распространенным тогда в российской общественно-политической мысли революционно-демократическим взглядам на политический и социальный переворот во Франции в конце XVIII в. конкретную разработку его истории в ее либеральном понимании, приоткрытом по возможности к российской обстановке и ее традициям, и исходил из противопоставления Франции с ее «политическими революциями» России с ее «идущими сверху преобразованиями». В этом духе Герье и ставил связанные с Французской революцией проблемы.

Исследования московского профессора — это попытка ответа на вопрос, как и почему в XVIII в. во Франции, в отличие от России, слабое правительство не устояло — и произошли известные печальные явления, которые, как он подчеркивал, до сих пор отзываются в стране. Рассматривая революцию как естественное, неизбежное следствие французского прошлого, всего предшествовавшего хода французской истории, он дал краткий очерк политического развития Франции, завершившегося революцией.

В. И. Герье начинал занятия проблемами истории Французской революции с заявления, что история — не точная наука, никогда не будет ею, что она относится к области субъективного и поэтому поиски объективной закономерности в истории беспредметны. Это не значит, что он строго и последовательно придерживался такого подхода к истории как науке в своей преподавательской и

исследовательской работе над проблемами революции. В более ранний период его деятельности еще слишком сильны были противодействовавшие этому факторы и в сознании самого Герье, и особенно в окружавшей его российской общественной атмосфере со столь характерной для нее идеей революции как неотъемлемого, закономерного звена исторического прогресса. Тем не менее тенденция эта проявлялась у Герье уже в ранний период его работы над связанными с революцией темами, а в дальнейшем все более и более усиливалась.

Интерес Герье к истории революции был сосредоточен главным образом на политической ее стороне, но основное внимание он уделял не столько уничтоженным революцией и созданным ею политическим учреждениям, политическим «институтам», сколько идеям, руководившим деятелями кануна революции и революционного времени [8, с. 151]. Проблемы идейного развития вообще, включая и идейное развитие революционного периода, Герье ставил при этом так, чтобы подчеркнуть «громдное влияние идей» «на судьбу народов и на ход цивилизации».

Характерно, что он пытался свести всю историческую деятельность людей к идейным мотивам, закрывая глаза на то, чем вызываются эти мотивы, и стремясь всеми силами опровергнуть тех, кто обнаруживал корни общественных отношений в степени развития материального производства. В то же время Герье полемизировал с историками, объяснявшими вступление Франции на революционный путь «личными свойствами двух или трех последних королей старой монархии» [6, с. 161].

«Сравнивая реформы, проведенные Фридрихом II в Пруссии, с современным ему эгоистическим и развратным царствованием Людовика XV или с малодушным и непоследовательным правлением его внука, историки поневоле сводили все различие на личные свойства государей», — констатировал Герье. Они, продолжал ученый, «выражали сожаление, что на французском престоле не было вместо Людовика XV просвещенного и энергического монарха, который бы воспользовался громадной силой центральной администрации и освободил бы свое отечество от развалин и хлама феодального строя». Тогда, по мнению этих историков, «полезные реформы стали бы вводиться постепенно и умеренно, радикальная революция была бы предупреждена, вся Европа была бы избавлена от 20-летнего потрясения и кровопролития, и ужасы террора не повлекли бы за собой реакции

и недоверия к политической свободе» [6, с. 160]. «Самая серьезная задача национальной историографии, — писал Герье, — заключается в правильном понимании и осмысленном изложении отношений между властью и народом, так как взаимное отношение этих элементов составляет существеннейшее содержание истории нации» [7, с. 141].

Возражая против субъективистского подхода к революции, В. И. Герье подчеркивал, что даже в том случае, «если бы королевское правительство во Франции и оторвалось от своих преданий и перешло бы в руки единой энергической воли, то эта воля едва ли была бы в состоянии действовать с таким успехом и проводить в жизнь такие глубокие реформы, как в странах Восточной Европы, где правительство не находило никакой или почти никакой оппозиции со стороны общества» [6, с. 166]. Герье упрекал французскую монархию в том, что она оказалась бессильной выполнить свою историческую задачу и довести до конца начатое ею дело политического объединения страны, «остановилась в своей исторической жизни», как бы «устала» в борьбе с феодализмом в политической области, допустила дальнейшее его существование в социальной сфере, в худшем его проявлении, и превратилась в вялое «ослабление привилегированным классам» [6, с. 148 — 149].

В. И. Герье отмечал — и в этом с ним нельзя не согласиться, — что «старая Франция достигла в конце XVIII века того момента, когда под феодальным покровом незаметно созрел совершенно новый организм». Этот новый организм он сравнивал, используя классический образ Шиллера, «с колоколом, который уже совершенно отлит, но которого еще не видно из-за глиняной формы» [6, с. 167]. В ночь на 4 августа 1789 г. эта форма была разбита. Феодальный покров, отделявший новую Францию от старой, был сорван Национальным собранием. Объединение французского государства и французской нации было тем самым завершено, но уже не во имя королевской власти, а «во имя идеи верховной власти народа, во имя народовластия, т. е. республиканского принципа».

В этом смысле Герье видел в революции «разрыв между принципом королевской власти и дальнейшим политическим развитием государства», разрыв, который он подчеркивал, противопоставляя Францию России. Разрыв этот был обусловлен, с точки зрения Герье, тем, что наступил лишь тогда, когда короли отказались руководить Францией на пути политического прогресса, на пути окончательного объединения страны. В результате прин-

цип народовластия принял во Франции враждебный монархии оттенок, стал боевым орудием литературы и публицистики в борьбе с монархией, что и привело ее к крушению.

Из исторического анализа Герье делал политический вывод, что «ходом своей истории Франция предназначена быть республикой» и что «самый характер и судьба французской монархии в XIX в. свидетельствуют о торжестве, которое одержала республиканская идея с провозглашением принципа народовластия» [6, с. 169].

Такова схема подхода В. И. Герье к Французской революции XVIII столетия. Он исходил из того, что французская монархия, до конца «старого порядка» сохранившая феодальный характер, была бессильна исполнить свою историческую задачу и преодолеть затруднения, обуславливавшие застой. Спасительная сила, способная двинуть Францию на новый путь развития, зародилась в обществе. Этой силой была идея нации, которая со временем все более овладевала умами и, преобразив общество, подготовила возможность реформы в самых существенных для политической жизни отношениях. Феодальная власть оказалась не в состоянии «оценить значение национальной идеи и воспользоваться ею для своего преобразования в национальную монархию», что в конечном счете и вызвало революцию. Наименее удовлетворительным представлялся Герье результат, достигнутый в политическом отношении. Недостаточно якобы «всестороннее» и «гармоническое» развитие «идеи нации» во Франции привело, по его мнению, к тому, что «вместо гармонического объединения в высшей форме произошла принципиальная борьба, вследствие которой самый национальный элемент прежнего политического развития Франции — монархия — был подломан» [7, с. 4].

Такова данная В. И. Герье общая отрицательная оценка революции, порожденной, на его взгляд, «односторонним» развитием «идеи нации». Давая оценку революции, Герье целиком исходил применительно к самодержавию из того, «что монарх есть истинный и постоянный представитель «национальной воли» и что только на этом незыблемом основании возможно и плодотворно местное или общее представительство» [7, с. 140].

Свою критику идей, подготовивших революцию во Франции, московский профессор начинал с Монтескье. Основной его упрек «знаменитому учителю французского либерализма» заключался в том, что Монтескье «не мог правильно оценить значения монархического принципа в государ-

ственной жизни и гармонически сочетать его со свободой, которая была его политическим идеалом» [7, с. 7—8]. В связи с этим французский мыслитель заложил якобы своей теорией основы «одностороннего понятия о народе и того антагонизма между монархическим началом и народным принципом, который все более и более развивался в представлениях французов» [7, с. 5]. Как полагал Герье, это было тем более непростительно, что «Монтескье жил в веке просветительного абсолютизма», который Герье с самого начала своей деятельности противопоставлял революции. Исследователь напоминал, что одновременно с «Духом законов» Монтескье вышел в свет «Новый судебный устав» Фридриха II. А прусского короля Фридриха Герье считал «одним из лучших представителей» «просветительного абсолютизма» и называл не иначе как «Великим», придавая при этом особое значение провозглашавшемуся им на словах принципу: «монарх — первый служитель своего государства» [7, с. 6]. Поэтому Герье считал классификацию государств, данную Монтескье, порочной, так как «в распределении Монтескье нет места» для таких сводимых Герье к общему знаменателю монархий, как империя Петра I, этот несомненный для своего времени шаг вперед, и государство Фридриха II, непрочность и историческая несостоятельность которого нагляднейшим образом обнаружались в его войнах с наполеоновской Францией.

Далее Герье упрекал Монтескье в том, что в своем учении о разделении властей и в изображении английской конституции он заимствовал понятия и термины из Англии — страны, «где монархическое начало утратило свое самостоятельное значение» [7, с. 8].

Самые якобы «роковые» последствия для политического образования французского общества имело воспринятое Монтескье у Локка «наименование королевской власти «исполнительной», особенно после того, как этот «ходячий термин» «проник в такие слои общества, для коих в этом слове заключалась «альфа и омега политической мудрости». «Теоретическим ошибкам» Монтескье Герье приписывал «тем более пагубные последствия для судеб французской монархии и для самого дела свободы», что Монтескье, по его мнению, «не воспользовался, как следует, политическими уроками Англии». Герье критиковал Монтескье за то, что он «не заметил» скрывавшегося в Англии за разделением властей «единства государственной власти, сосредоточенной в руках правящего класса» [7, с. 9 — 10].

В результате и заимствования Монтескье из английской конституции, и отступления его от английских начал, из смешения которых сложился идеал конституционной монархии Монтескье, «не принесли во французском обществе тех плодов, которых ожидал от них теоретик политической свободы», — констатировал Герье [7, с. 11].

Развивая эту мысль, российский ученый противопоставлял Англию, где «объем деятельности исполнительной, правильнее, правительственной власти» был якобы «очень невелик», Франции, в которой, при установившейся будто бы уже тогда централизации, «он был громаден». «Во Франции, — писал Герье, — монархия имела социальное значение, которое она утратила в Англии; здесь она была заменена политически развитым и организованным правящим классом, руководству которого охотно подчинялась страна; во Франции, если бы монархия сошла на степень исполнительной власти, верховная власть могла перейти только к Генеральным штатам, т. е. представительству сословий, разделенных привилегиями и противоположными интересами» [7, с. 11—12].

В окружавшей его российской действительности Герье больше всего опасался взрыва социальных противоречий, подобного тому, какой последовал за созывом Генеральных штатов во Франции. Поэтому он и настаивал на «гармонии» между «противоположными интересами». Первым же и совершенно необходимым условием такой «гармонии» была, в его глазах, сильная, единая, неделимая «верховная власть» — в форме монархии или в лице «политически развитого и организованного правящего класса».

Строя свою политическую систему на «безвыходном», как представлял дело Герье, «антагонизме правительственных сил», Монтескье толкал, по его мнению, Францию в прошлом на тот путь, который так пугал Герье в России в настоящем. Поэтому он и обрушивался на Монтескье, находя уже в его конституционной схеме «роковые черты первой французской конституции, достаточно объясняющие теоретические причины ее неуспеха».

Под влиянием такой схемы воспитывалась либеральная партия во Франции и, можно прибавить, во всей остальной Европе, утверждал Герье в заключении к своему экскурсу, посвященному Монтескье. «Отсюда принципиальное, основное заблуждение французского либерализма, непонимание политического значения монархии и оппозиция против нее. Отсюда и беспочвенность французского либерализма в XVIII веке. Желая устано-

вить во Франции умеренное правительство и обеспечить в ней гражданскую и политическую свободу, французский либерализм не выяснил себе существенных условий этой свободы и, следуя ложной программе, работал только в руки другой партии и подготовлял торжество другой политической теории — радикализма» [7, с. 13].

Данная здесь Герье резко отрицательная оценка идейного наследия Монтескье, одного из умеренных корифеев либерально-реформистской струи французского Просвещения XVIII столетия, — наглядное доказательство того, что Герье не только окончательно порвал с последними остатками российского просветительства, но одновременно отрекался и от всех сколько-нибудь прогрессивных тенденций либерального конституционализма. Наоборот, в опубликованной в 1877 г. статье «Республика или монархия установится во Франции?» он давал Монтескье высокую оценку и говорил о нем в ином тоне.

Исходя из того, что «французский радикализм почерпнул свою программу и свои формулы преимущественно из «Общественного договора» Руссо», Герье сосредоточил основной огонь критики на нем как основоположнике демократической идеи, идеи народовластия. Герье шокировало, что у Руссо, в отличие от других политических мыслителей, народ не заслоняется «философским представлением о гражданском обществе», что народ у Руссо — не «отвлеченная совокупность граждан», не «политическая фикция, выставленная философами, чтобы объяснить правовое назначение государственного союза», не «метафизическое понятие». Герье возмущало, что все эти абстракции незаметно переходят у Руссо «в представление о фактических, существующих государствах», «в конкретную массу наличных жителей любого государства, которую Руссо и называет народом или нацией», что «фикция» облекается у него в «мнимую действительность». «Руссо переносит на нестройную толпу все свойства и атрибуты метафизического понятия. Народ в смысле наличной массы становится у Руссо непосредственным источником государственной власти и потому провозглашается государем», — с негодованием отмечал Герье [7, с. 14]. Этот «ложный шаг» Руссо служил, полагал Герье, лишь переходом к другому, «более роковому по своим последствиям» шагу.

«Провозглашение народа «государем» еще оставляет возможность понимать это в переносном смысле, — заявлял Герье. — Так понимали идею народовластия и другие теоретики, которым это,

однако, не мешало признавать за правительством совершенно самостоятельное значение». Герье обвинял Руссо в том, что у него дело обстоит уже иначе, что верховная власть, которой он облакает народ, «перестает быть идеальным правом и превращается в реальную, постоянную функцию», в законодательную власть, абсолютную «в самом обширном смысле этого слова». А так как верховная власть отождествляется у Руссо с законодательной, а законодателем, по теории Руссо, должна быть совокупность граждан, или народа, то «на долю его правительства остается только «исполнительная власть», и «всякое правительство, каков бы ни был его состав и характер, становится простым приказчиком народа» [7, с. 15].

Теория Руссо оказала, по оценке Герье, решительное влияние на представления французского общества о народе, о нации, «существенным атрибутом» которой стало равенство. Это равенство получило у Руссо «совершенно особенный характер» — не столько равенства перед законом и равенства в свободе пользоваться «правами личности» и «индивидуальными способностями», сколько «равенства во власти». «Власть сделалась конечной целью этого равенства. Лишь бы было соблюдено внешнее равенство, лишь бы власть была построена, хотя формально, на равном в ней участии всех, эта власть могла не знать пределов», — писал Герье. Пытаясь издали бросить тень на революцию, он касался здесь той стороны учения Руссо, которая, по его утверждению, «неминуемо вела к установлению беззастенчивого деспотизма от имени народа» [7, с. 16]. Эта сторона учения Руссо могла обнаружиться, впрочем, лишь позднее, оговаривался Герье. Ближайшим же последствием учения Руссо о народе Герье считал «совершенное затемнение идеи монархии», изображавшейся у Руссо «такими чертами, которые произвели глубокое влияние на развитие революционного темперамента во французском народе» [7, с. 18].

В. И. Герье указывал на недостаточную последовательность Руссо, на то, что своими «оговорками Руссо сам разрушает построенное им здание», что «Руссо своим идеалистическим определением общей воли развенчивает своего «государя», т. е. народ, и уносит свой правовой строй в облака». Но этими замечаниями Герье стремился лишь еще более усугубить предъявленное им Руссо обвинение в том, что «на земле осталась мертвая формула его учения и вызванные им страсти», — обвинение, первый пункт которого явно не вяжется со вторым. Герье соглашался, что «при научной оценке систе-

мы Руссо нужно иметь в виду то, что хотел сказать автор», но тут же добавлял, что «при суждении об историческом влиянии теорий Руссо приходится считаться только с тем, что было усвоено из них обществом» [7, с. 19].

Политическую традицию Руссо Герье сводил к тому, что «король есть исполнитель закона; закон — выражение общей воли; общая воля есть воля народа, т. е. всех». «В форме этих стертых афоризмов стало вращаться в массах учение Руссо», — такой сентенцией заканчивал Герье свою инвективу против Руссо и руссоизма.

Близкого массам, подхваченного ими общего демократического смысла учения Руссо, объективно революционного острия этого учения Герье не мог простить его творцу, как не могла простить этого Руссо — влиятельнейшему представителю демократической тенденции французского Просвещения — вся европейская аристократическая и буржуазная реакция последовавшего за Французской революцией времени, несмотря на свойственную Руссо ограниченность и непоследовательность.

Таковы были, считал Герье, «главные политические теории, повлиявшие на представление французского общества о нации» [7, с. 19].

Перед лицом этих теорий тогдашняя историография оказалась, по утверждению Герье, «совершенно бессильной». Она не давала «зрелого и научного» понимания жизни и «не только не могла оберечь общество от ложных теорий, но сама подпала под их господство и сделалась орудием их распространения», — сетовал ученый. Исходя, несомненно, из аналогии с российской действительностью, Герье давал этому объяснение, солидаризируясь с «одним из лучших, по его признанию, историков Франции и знатоков ее историографии», О. Тьерри, возлагавшим «долю ответственности за несостоятельность своих предшественников», французских историков XVIII в., «на само правительство». «Особенно вредно повлияли в этом отношении неоднократные запрещения писать о тех вопросах, разъяснение которых было особенно необходимо для развития общества, — в назидание и поучение властям предержащим, — заявлял Герье. — Запрещения этого рода не достигали своей ближайшей цели, не предохраняли общество от книг, исполненных фанатической ненависти против существующего строя... Но в то же время присвоение администрацией полной монополии говорить и судить об интересах и нуждах общества лишало его спо-

собности практически понимать эти интересы, а писателей — возможности вносить опыт жизни в объяснение прошедшего» [7, с. 21].

В. И. Герье видел «бесплодность официальной опеки над наукой». Он подчеркивал, что «полная зависимость научных учреждений и самих ученых от бюрократического благоусмотрения и случайного патроната» придавала этим занятиям «совершенно археологический, лишенный всякого практического интереса характер» [7, с. 22 — 23]. Эта «узкая односторонность научных исследований в области истории» и «отсутствие политического смысла у ее представителей» порождали в свою очередь то, что «историография сделалась открытым попранием для самых смелых и, по-видимому, несбыточных политических теорий», — утверждал Герье («для бредней и памфлетов», — по другому, еще более раздраженному его отзыву).

Во всем этом нельзя не видеть, как Герье понимал свои занятия проблемами истории Французской революции XVIII столетия. В России XIX в. это был один из вопросов исторического прошлого, о которых, подобно тому, как было в дореволюционной Франции, также долгое время правительство запрещало писать. Вместе с тем это был вопрос, «разъяснение» которого в соответствии с видами и интересами господствующих классов было, в глазах Герье, «особенно необходимо» для развития современного ему русского общества в желательном для либералов направлении. Начало этому и положил Герье, отдавая себе, таким образом, полный отчет в политическом значении того, что он делал, как это совершенно очевидно из той весьма прозрачной аналогии между Францией XVIII в. и Россией XIX столетия, на которую историк ясно и недвусмысленно намекал.

В. И. Герье придавал большое значение той «убедительности, которую получили радикальные теории от тесного союза с национальной историографией». Но полный и окончательный успех этих теорий зависел, по его мнению, от «политического образования общества», от усвоенного обществом «запаса практического смысла», от того, что «выносило оно из самой жизни, которая для большинства людей всегда составляет более влиятельную школу убеждений, чем теория и наука» [7, с. 30].

Основную задачу занятий историей Французской революции В. И. Герье видел в борьбе с дальнейшим распространением революционных и демократических идей среди учащейся молодежи. Те

же общие у «охранителей» и либералов задачи борьбы против революционного движения делали его приемлемым и для правительства профессором, которому власти разрешали, скрепя сердце, не столько «де-юре», сколько «де-факто», лишь в строго ограниченных рамках, преподавать в стенах университета историю «происшествий запрещенной эпохи».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутенко В. А. Наука новой истории в России / В. А. Бутенко // *Анналы*. — 1922. — № 2.
2. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул. — Л., 1929. — Ч. I.
3. Ковалевский М. М. Московский университет в

конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века / М. М. Ковалевский // *Вестник Европы*. — 1910. — Кн. 5.

4. Вебер Б. Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции / Б. Г. Вебер // *Французский ежегодник*. — 1960. — М., 1961. — С. 489 — 526.

5. Вебер Б. Г. Историографические проблемы / Б. Г. Вебер. — М., 1974.

6. Герье В. И. Республика или монархия установится во Франции? / В. И. Герье // *Сборник государственных знаний* / под ред. В. П. Безобразова. — М., 1877. — Т. III.

7. Герье В. И. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. / В. И. Герье // *Исторический вестник*. — 1884. — Т. XV. — Февраль.

8. Кареев Н. И. Историки Французской революции. — Т. III. Изучение Французской революции вне Франции / Н. И. Кареев. — Л., 1925.

Воронежский государственный университет

Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: (4732) 24-75-14

Voronezh State University

Afonushkina A. V., Candidate of Historical Science, Associate Professor of the Middle Ages History and Slavic Studies Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: (4732) 24-75-14